

В.Н. Казарин*

**РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-2
УДК 94(571.1/.5)

Выходные данные для цитирования:
Казарин В.Н. Роль культуры в послереволюционной Сибири: основные проблемы в журнальной периодике первой половины 1920-х годов // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 25–24. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-02.pdf>

V.N. Kazarin*

**CULTURE ROLE IN POSTREVOLUTIONARY SIBERIA:
THE MAIN PROBLEMS IN THE JOURNAL PERIODICAL
PRESS OF THE FIRST HALF OF THE 1920TH**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-2

How to cite:
Kazarin V.N. Culture Role in Postrevolutionary Siberia: The Main Problems in the Journal Periodical Press of the First half of the 1920th // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 25–34. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-02.pdf>]

Abstract. Culture role in postrevolutionary Siberia on pages of the journal periodical press of the first half of the 1920th is investigated. Degree of study of a subject in a modern historiography is revealed. The research definite purpose consisting in studying influence of culture on the socio-political processes in the region reflected in the magazines “Sibirskiye Ogni”, “Zhizn Sibiri”, “Sibirsky pedagogical magazin”. The main attention was paid to rise in culture of the small people and problems of education. It is noted that authors of journal articles closely connected the solution of these questions with the accelerated solution of tasks in education and health. At the same time issues of cultural development had to receive the fast decision within creation of national territorial autonomies. The provision that these offers appeared before radical transformations is proved, and during the Soviet period became the direction of public policy with assistance of the national intellectuals and journalistic community. It is shown that the solution of new tasks in Siberia was impossible without elimination of illiteracy and also development of the general and higher education. The position of magazines was that a factor of sociocultural development of Siberia have to become overcoming crisis state of school and high school institutions, strengthenings of their material resources, strengthening of interaction with public authorities. It is proved that the course towards nationalization of higher education institutions was not only the direction of public policy “from above”, but also enjoyed support “from below”. The conclusion is drawn that the journal periodical press formed information picture of sociocultural development of the region, defining value priorities in new historical conditions.

Keywords: Siberia, culture, elimination of illiteracy, education, national construction, the first half of the 1920th, journal periodical press.

The article has been received by the editor on 08.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Николаевич Казарин**, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: kazarinvik@yandex.ru
Victor Nikolaevich Kazarin, Doctor of Sciences History, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Аннотация. Исследована роль культуры в послереволюционной Сибири на страницах журнальной периодики первой половины 1920-х гг. Выявлена степень изученности темы в современной историографии. Определена цель исследования, состоящая в изучении влияния культуры на социально-политические процессы в регионе, отраженные в журналах «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Сибирский педагогический журнал». Основное внимание уделялось подъему культуры малочисленных народов и проблемам образования. Отмечено, что авторы журнальных статей тесно связывали решение этих вопросов с ускоренным решением задач в сфере образования и здравоохранения. При этом вопросы культурного развития должны были получить быстрое решение в рамках создания национальных территориальных автономий. Обосновано положение о том, что эти предложения появились до радикальных преобразований, а в советский период стали направлением государственной политики при поддержке национальной интеллигенции и журналистского сообщества. Показано, что решение новых задач в Сибири было невозможно без ликвидации неграмотности, а также развития общего и высшего образования. Позиция журналов заключалась в том, что фактором социокультурного развития Сибири должно стать преодоление кризисного состояния школьных и вузовских учреждений, укрепление их материальной базы, усиление взаимодействия с государственными органами. Доказано, что курс на огосударствление вузов был не только направлением государственной политики «сверху», но и пользовался поддержкой «снизу». Сделан вывод, что журнальная периодика формировала информационную картину социокультурного развития региона, определяя ценностные приоритеты в новых исторических условиях.

Ключевые слова: Сибирь, культура, ликвидация неграмотности, образование, национальное строительство, первая половина 1920-х гг., журнальная периодика.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Введение. Исследование социокультурного развития послереволюционной Сибири имеет давнюю традицию. В новейшей отечественной историографии базовое значение в изучении проблемы принадлежит трудам известных ученых В.Л. Соскина¹ и С.А. Красильникова². Существенным историографическим событием, отмеченным профессиональным сообществом, стала коллективная монография, посвященная малоисследованным вопросам в изучении сибирской интеллигенции первой трети XX в.³ Вместе с тем такой аспект проблемы, как отражение роли культуры в развитии Сибири в журнальной периодике первой половины 1920-х гг., не являлся предметом специального изучения. Историография проблемы формирования образа Сибири в целом⁴ или влияния журналистского сообщества на формирование круга чтения и ценностных ориентиров посредством коммуникаций

¹ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965; Соскин В.Л. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2000; Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России: метод. рекомендации к курсам «История отечественной интеллигенции» и «Отечественная история». Новосибирск, 1996.

² Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 – лето 1918. Новосибирск, 1985; Красильников С.А. Сибирская провинция и центр: культурная грань взаимодействия в послереволюционные годы // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 24–30; Красильников С.А. Власть и интеллигенция в динамике постреволюционных отношений // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 86–98; Красильников С.А. Время, культура, личность: к 90-летию В.Л. Соскина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 14, № 8. С. 209–214.

³ Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007.

⁴ Легостаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.

на читательскую аудиторию⁵ получила некоторое освещение, но применительно к предшествующему периоду. Данная публикация имеет целью в определенной степени восполнить этот пробел, осветив влияние культуры на социально-политические процессы в Сибири первой половины 1920-х гг. на страницах журналов, выполнявших важнейшую коммуникативную функцию в условиях формирования новых идеологических и культурных приоритетов в рамках государственной политики и в то же время определенной автономии творческого сообщества исследователей, публицистов и журналистов, среди которых были как представители «старой» дореволюционной интеллигенции, так и «новые» работники «культурного фронта», прошедшие испытания революцией и Гражданской войной.

Для соотношения прежнего понятийного аппарата и современного содержания очевидно следует сделать некоторые пояснения. Понятие «культура» имеет множество определений и элементов. В современном научном знании под термином «культура» чаще понимают «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе». Выделяют в основном четыре элемента культуры: понятия (концепты), отношения, ценности, правила⁶.

Переломные события в политической, социально-экономической действительности, вызванные Великой российской революцией, неизбежно повлекли новые подходы в духовной, идеологической сфере. Поскольку ниже речь пойдет об особенностях культурного фактора в период послереволюционных трансформаций (1920-е гг.), то, на наш взгляд, более применимо к той эпохе следующее определение культуры: «Совокупность достижений общества в области просвещения, искусства, науки и в других областях духовной жизни. Культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества»⁷. Журнальная периодика 1920-х гг. играла громадную роль в социальном коммуникативном взаимодействии авторов и читательской аудитории.

Источниковой основой статьи послужили материалы журнальной периодики 1920-х гг., издаваемые в Сибири. Среди них следует выделить журналы «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Сибирский педагогический журнал». Журнал «Сибирские огни» начал выходить с марта 1922 г. в Новониколаевске (с 1925 г. – Новосибирске) и стал центром притяжения писателей, публицистов, профессиональных историков и экономистов. В условиях становления исторической науки в Советской России и ее обширном регионе в новых социальных реалиях журнал сыграл громадную неопределимую роль⁸.

Сибирский Революционный Комитет издавал журнал по вопросам экономической, правовой и административно-политической жизни региона под названием «Жизнь Сибири». Впоследствии он именовался как «Журнал политики, экономики и краеведения» и издавался Сибирским краевым исполнительным комитетом Советов. В 1920 г. в Иркутске вышло всего два номера журнала «Пролетарская культура»⁹. Специализированным журналом информационного и методического характера стал «Сибирский педагогический журнал», издававшийся в Новониколаевске с 1923 г.

Какова же была читательская аудитория сибирских журналов? Основными читателями была интеллигенция, прежде всего городская (преподаватели высшей и общеобразовательной школы разных ступеней, работники учреждений культуры, здравоохранения, профессиональные работники советско-партийного аппарата, учащиеся). Если обратиться к анализу миграционных потоков в Сибирь в конце XIX – начале XX в., то, основываясь на новейших данных, можно говорить об устойчивой тенденции к росту населения, прежде всего городского. Расширение транспортных коммуникаций, переселенческая политика,

⁵ Чернова (Козлова) И.С. Становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 1. С. 58.

⁶ Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 24. С. 468–469.

⁷ Энциклопедический словарь. М., 1954. Т. 2. С. 202.

⁸ Шелестов Д.К. У истоков советской историографии Сибири // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 126–132.

⁹ История Иркутской губернии: в 4 т. Иркутск, 2024. С. 346.

развитие золотодобычи, меры, направленные на укрепление обороноспособности страны, – все привело к тому, что численность населения таких городов, как Томск, Иркутск, Владивосток, стала превышать отметку в 100 тыс. чел. Быстро росла численность населения в Барнауле, Благовещенске, Красноярске и Новониколаевске. Кратно увеличивалось население в Чите, Верхнеудинске, Кургане, Хабаровске, Бийске¹⁰. Даже с учетом демографических изменений, вызванных социально-политическими трансформациями периода революции и Гражданской войны, население послереволюционной Сибири продолжало возрастать. Соответственно, возрастали и тиражи журналов, лидером среди которых были «Сибирские огни».

Отражение в журнальной периодике культурного аспекта национальных отношений. Обращение авторов статей в периодических изданиях к различным вопросам истории, хозяйства, быта, культуры автохтонных народов Сибири имело давнюю традицию, глубоко укоренившуюся еще с дореволюционных времен¹¹. На страницах сибирских газет и журналов появлялось огромное количество публикаций в форме статей, обзоров, небольших заметок, в которых высказывалась озабоченность вымиранием (действительным или надуманным) малочисленных народов, «инородцев». В значительной степени эта тенденция была продолжена и в 1920-е гг. с существенной разницей, что авторы публикаций, как правило, предлагали свои варианты решения национального вопроса с упором на создание национальной автономии (области или республики).

Своеобразным продолжением отмеченных выше журнальных традиций явилась статья И. Евсенина, опубликованная в «Сибирских огнях». В первых же строках автор обращается к наследию Н.М. Ядринцева, страстно выступавшего за «сохранение инородческих племен», призывавшего «прийти на помощь погибающим племенам». И. Евсенин обратился к положению малочисленной народности карагасов: кочевников, охотников и оленеводов, проживавших в южной части Нижнеудинского уезда Иркутской губернии и юго-восточной части Канского уезда Енисейской губернии. Подчеркивая высокую детскую смертность, большой процент заболеваемости населения оспой, кожными и венерическими заболеваниями, автор справедливо связывает эти массовые явления с низкой культурой быта, несоблюдением санитарно-гигиенических норм. Отсюда и предлагаемые им меры по улучшению культуры быта карагасов. Однако И. Евсенин, в отличие от других авторов журнальных статей и официальной политики того периода, связывавших улучшение положения малочисленных народов с установлением советской власти и ее способами решения национального вопроса, полагал, что «организация самого примитивного советского самоуправления среди карагасов совершенно немыслима»¹².

Также пессимистична статья К. Рычкова. Автор и ранее публиковал статьи по положению инородцев в «Сибирских вопросах» до революции. В новой статье он повторяет много раз высказанный в литературе тезис о вымирании инородцев. По его мнению, это объяснялось следующими причинами: лень, беспечность, дикость и невежество (признаки культуры или, точнее, ее отсутствия), лживость, склонность к воровству и/или обману. Во многом это результат спаивания спиртными напитками инородцев в царское время. К этому он добавляет экономическое и социальное положение, образ жизни, плохие гигиенические условия, однообразную пищу. Вместе с тем К. Рычков обращает внимание на анатомические особенности различных групп тунгусов Туруханского края (рост, различное телосложение, развитие мускулатуры, наличие/отсутствие анатомических аномалий). И это он связывает с культурой регулирования половых отношений (наличие или отсутствие инцеста). Он делает вывод: единственный путь спасения тунгусов – их слияние с якутами. Экономическое и социальное положение также важно учитывать, но этот вопрос, по мнению К. Рычкова,

¹⁰ Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Динамика численности городского населения в контексте урбанизационных процессов в Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы истории. 2023. № 10 (1). С. 38.

¹¹ Леогаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях... С. 205–210.

¹² Евсенин И. К вопросу о сохранении сибирских туземцев. Очередные задачи национальной политики в отношении карагасов // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 94–95.

еще не изучен¹³. Обращает внимание, что автор отнюдь не связывал решение национального вопроса с созданием самостоятельных национально-территориальных образований.

Проблеме положения туземцев севера Сибири посвятил большую статью П. Устюгов. Автор дал этнографо-экономический очерк дореволюционного и современного ему состояния остяков Нарымского края, туземцев Заполярного круга Туруханского края, тунгусов и карагасов Иркутской губернии. Их прошлое состояние, по описанию автора, – темнота и нищета, являвшиеся следствием «царского произвола и капиталистической политики угнетения слабых малочисленных народностей». К признакам культуры этих народностей он относит гостеприимство, добросердечность и услужливость. А к отрицательным качествам – склонность к пьянству, карточным играм, а также суеверия и предрассудки. Отношение их к советской власти автор расценивает от безразличного до сочувственного. Но ко всем антиправительственным выступлениям они относились отрицательно. Видимо, сказывалась их вера в справедливость власти: родовой, волостной (инородные управы) и наступившей советской. Отсюда и предложения автора – выделить «Затундру» (его обобщенный термин) в отдельную административную единицу в форме съезда Советов. На основе родовых принципов формировать аппарат власти (советский), поэтому можно переименовать глав родов в председателей сельских советов. А первоочередными мероприятиями советской власти должно стать улучшение здравоохранения и образования¹⁴.

В одной из первых статей в журнале «Сибирские огни» за 1922 г. автор Сары-Сэг Козынчаков доказывал необходимость выделения самостоятельной автономной области Ойрат. В обоснование этого решения он приводил обширные сведения о существовании Джунгарии, государства кочевых инородцев Алтая, потомков калмыков, уничтоженного в середине XVIII в. в ходе войны между Китайской империей и Джунгарией. Часть калмыков, бежавшая на север, попала в русское подданство. С того времени калмыки Горного Алтая считали себя единым народом, который распадался на несколько племенных групп. Описывая систему родового управления, складывающуюся иерархию родоплеменной власти как фактор государствообразования, автор отмечал при этом культурный аспект, а именно отстаивание собственных верований против попыток обращения в православие. Таким образом, С.-С. Козынчаков увязывал культурно-религиозный фактор как государствообразующий и несущий основу для формирования советской государственности в виде создания автономной области Ойрат. К тому же автор крайне негативно оценивал «бесцеремонное стремление русских до революции к наживе», что, по его мнению, вызывало «ненависть» туземцев к пришлым русским. А отсюда вытекала необходимость создания самостоятельной Ойратской автономной области не только потому, что автохтонное население преобладало над русским (более 90 тыс. чел. против более 64 тыс.)¹⁵, но и в силу сохранения культурно-национальных и религиозных особенностей, имевших глубокие исторические корни.

Эта позиция была поддержана П. Устюговым в журнале «Жизнь Сибири». Он также дал развернутый обзор существования кочевого государства Джунгария до второй половины XVIII в. Но сохранение общности происхождения, языка, территориальной близости, хозяйственных форм и культурного развития привело к тому, что после Октябрьской революции 1917 г. различные племена Минусинского уезда объединились под именем хакасов. Объединительные процессы затронули и народности Алтая, русского и монгольского Урянхя. Исходя из этих факторов, автор поддержал на страницах журнала образование автономной Ойратской области и стремление шорцев к ней присоединиться¹⁶. В отличие от С.-С. Козынчакова, П. Устюгов вообще не упоминал о плохом отношении русских к туземцам. Одобряя создание автономной национальной области, он обращался к историческому прошлому

¹³ Рычков К. К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 185, 187, 191.

¹⁴ Устюгов П. Туземцы севера Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 157, 158, 170.

¹⁵ Козынчаков С.-С. Культурно-исторический очерк об алтайцах (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 109, 111, 115.

¹⁶ Устюгов П. О туземцах юга Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 83–84.

разрозненных народностей Южной Сибири, учитывая, в том числе, и фактор культурной общности.

Об историческом прошлом шорцев, которые когда-то входили в «федерацию Ойрат», писал в своей статье Леонид Сары Сэп. Он, так же как и С.-С. Козынчаков, обвинял царское правительство в том, что в конце XIX в. оно стало отбирать земли у шорцев и оттеснять их в тайгу и горы, обрекая на вымирание. Но этот процесс, по его мнению, продолжался и в современное ему время. Очень плохо обстояло дело с грамотностью: автор оперировал данными о том, что грамотных шорцев было всего 4,5 %. При этом люди, которых готовили для миссионерской деятельности из местного населения, разбежались. Все это требовало, по заключению автора, «экстренной помощи»¹⁷.

Проблемы общего образования некоторыми авторами тесно увязывались с развитием школ для национальных меньшинств. Например, М. Шамматов к меньшинствам относил коренные группы народов (татар, якутов, бурят, шорцев и др.), и «колонистов» (немцев, украинцев, латышей, поляков и др.). Интерес представляют статистические данные по национальным школам Сибири, приведенные автором на 1920/21 учебный год. В условиях нэпа характерными стали случаи снятия учреждений с государственного снабжения и перевод на содержание самого населения. И в этой ситуации М. Шамматов справедливо привлек внимание к возникшей проблеме: на смену органам народного образования у национальных меньшинств пришли представители духовенства. В образовательной среде национальных меньшинств Сибири стало развиваться «клерикально-националистическое движение» (в разной степени). В качестве решения проблемы автор предложил создание специального педагогического учебного заведения для представителей национальных меньшинств¹⁸.

Таким образом, в известной мере продолжая дореволюционную традицию постоянного обсуждения «иностранного вопроса» с обличением царского правительства к невниманию к проблемам и их «вымиранием», журнальная периодика начала 1920-х гг. активно обсуждала эти проблемы. Однако акцент существенно изменился: отстаивая тезис о своеобразии культурно-религиозных особенностей малочисленных народов Сибири, явно указывая на исторические корни их государственности (протогосударственности), обосновывался тезис резкого поднятия их культурного уровня, видя в этом необходимость создания собственных территориальных автономий. Этот вопрос был тесно увязан с привлечением внимания к созданию и развитию школ для малочисленных народов Сибири, приданию им особого статуса.

«...Надо строить новую жизнь»: ликвидация неграмотности, образование и наука на страницах журналов. В мае 1923 г. в Новониколаевске перед работниками советско-партийного аппарата и учреждений образования выступил народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. Дав общую картину положения с образованием в стране («все мы много вынесли»), он поставил задачу: «...надо строить новую жизнь»¹⁹. Сибирские журналы много внимания уделяли вопросам ликвидации неграмотности, развития образования (общего, среднего специального и высшего) для огромного региона за Уралом.

Борьба за грамотность была объявлена борьбой за культуру. Уделялось внимание и ликвидации неграмотности народов Сибири, которые относились к национальным меньшинствам (по терминологии тех лет – «нацменам»). Решить эту проблему было чрезвычайно сложно. Малочисленные народы территориально были разбросаны и распылены; крайне редкими были учителя и методисты из их среды, которые имели, как правило, низкую квалификацию. В июне 1925 г. на Сибирском совещании по народному образованию обсуждался и этот вопрос. Было высказано, в частности, пожелание специально освещать вопросы культурного строительства среди отдельных национальностей на страницах «Сибирского педагогического журнала»²⁰. А годом ранее, в 1924 г., в Томском педагогическом техникуме

¹⁷ Сары Сэп Л. Шорцы // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 172, 175.

¹⁸ Шамматов М. Просвещение национальных меньшинств // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 177–178.

¹⁹ Луначарский А. Основы просветительской политики Советской власти (Речь Наркомпроса А. Луначарского в гор. Новониколаевске 19 мая 1923 г.) // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 15.

²⁰ Гайсин. По Сибсовнацмену // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 6. С. 78.

был открыт киргизско-татарский техникум (отделение) с первым набором 60 татарских мальчиков²¹.

Достаточно полное представление о состоянии неграмотности в Сибири, проблемах и мерах по их решению содержалось в статье, опубликованной за подписью В. Пушьева (псевдоним В. Пупышева). Автор отмечал, что после резкого подъема кампании по ликвидации неграмотности (1921 г.) она стремительно пошла вниз по причине снятия политико-просветительных учреждений с государственного снабжения и перехода на местный, «далеко не окрепший» бюджет. На какие еще причины указывал автор? Недостаток учителей-ликвидаторов и их неподготовленность к решению стоящих задач, недостаток букварей и пособий, отсутствие помещений. К тому же погоня за количеством в ущерб качеству. Поэтому, ликвидируя неграмотность, необходимо готовить «политически грамотных граждан»²². Ленинский лозунг «Неграмотный человек стоит вне политики» стал основополагающим для решения не только задачи ликвидации неграмотности, но и культурного подъема населения в целом.

«Сибирский педагогический журнал» постоянно обращался к проблемам ликвидации неграмотности, не избегая анализа негативных явлений. В. Пупышев, постоянно освещавший этот вопрос, отмечал, что, несмотря на значительное количество открытых ликвидационных пунктов (в 1921 г. их было уже 8 тыс.), многие из них пустовали; обучение больше напоминало начетничество, а такие меры, как штрафы за непосещение, лишение пайков и даже задержание зарплаты, не давали необходимого результата. С 1923 г. начался новый этап борьбы с неграмотностью, изменилась методика обучения, появились новые учебные издания, что несколько улучшило работу²³. Обобщая этот опыт, редколлегия журнала активно публиковала статьи, заметки, зарисовки с различных губерний Сибири.

В 1923 г. в Москве было создано общество «Долой неграмотность» (ОДН). В Новониколаевске такое общество стало действовать с 1924 г. На страницах «Сибирского педагогического журнала» публиковались не только директивные статьи и материалы, но и осуществлялась обратная связь: информация с мест о том, как проходила ликвидация неграмотности. Говоря о роли учителя и избача в работе сельских ячеек ОДН в Сибирском крае, автор одной из заметок писал, что первой их задачей является ликвидировать неграмотность членов сельсовета, членов РКП(б) и комсомола, профсоюзов, женотделов и допризывников. Для этого использовалось групповое или одиночное обучение, проводились лекции и доклады, агитационные пьесы, торжественные выпуски окончивших школы²⁴. Работники учреждений образования были не только в курсе того, что происходило в огромном крае, но по-своему применяли различные методы по ликвидации неграмотности в своей работе.

Сибирские журналы уделяли постоянное внимание вопросам общего образования. Задачи государственной политики в этом вопросе достаточно хорошо изучены в литературе. Но какова была реакция с мест? Интересна заметка Б. Нелидова из Алтайской губернии (1925 г.). Говоря об образовании, он отмечал положительные тенденции: общее улучшение положения в стране привело к улучшению положения учительства; возросло доверие крестьян к советской власти, что увеличило доверие и к школе; улучшился школьный бюджет; партийные организации оказывали школе реальную помощь. Но возросла и нагрузка на учителей: они активно участвовали в работе по ликвидации неграмотности, фактически без выходных (в эти дни принимали участие в различных общественных мероприятиях)²⁵.

В 1922 г., по данным журнала «Жизнь Сибири», в регионе осуществлялась подготовка специалистов по следующим направлениям: педагогическое, техно-промышленное,

²¹ Иванов П.П. Первый сибирский татарско-киргизский педтехникум в Томске (К истории татарской школы в Сибири) // Сибирский педагогический журнал. 1924. Кн. третья (восьмая). С. 81.

²² Пушев В. Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 120–121.

²³ Пупышев В. Пять лет борьбы // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 1 (11). С. 4–5.

²⁴ Веллер Л. Учитель и избач в работе ОДН // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 7–9. С. 70–71.

²⁵ Нелидов Б. Школа и учитель в Алтайской губернии // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 2. С. 90–91.

сельскохозяйственное, медицинское, горное, художественно-музыкальное, общественных наук. При этом из указанных три первых были в явных лидерах. Переход к новой экономической политике (нэп) выявил острые проблемы, стоящие перед образованием, на которые обращал внимание журнал. Период «вузомании», как характеризовал автор статьи Г. Черемных предшествующее время, когда «чуть ли не каждый уездный город стремился открыть у себя высшее учебное заведение», оставался позади. Процесс «широкого потока в открытии вузов» был преодолен. Более того, набирала скорость другая тенденция – закрытие отдельных учебных заведений либо объединение нескольких заведений в одно. Ряд учебных заведений были переведены из высшего разряда в низший, требующий меньших затрат. Некоторые профессионально-технические заведения передали соответствующим ведомствам и хозяйствующим субъектам, которые в целях экономии и самокупаемости (требование нэпа) стали эти заведения сокращать или вообще прикрывать. Например, был закрыт факультет общественных наук (ФОН) Томского университета, Омский земельный институт был объединен с Омской сельскохозяйственной академией, Красноярский практический политехнический институт и Омский художественно-промышленный институт были понижены до уровня техникумов нормального типа.

Какова была позиция журнала в связи со сложившимся положением в сфере образования? Это акцентирование внимания на принятии мер по сдерживанию оттока преподавателей из Сибири в образовательные центры Европейской России. Этот процесс принимал угрожающие размеры и грозил торможением социокультурного развития Сибирского края. Широко распространившееся в связи с этим совместительство проблемы не решало. Курс Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос) на приоритетное развитие среднего политехнического образования, осуществлявшийся «экстраординарными мерами», во многом зависел от «дальновидности хозяйствующих сил Сибири». И именно от этого, по мнению журнала, будет зависеть дальнейший ход всего народного просвещения в Сибири²⁶.

Особое внимание уделялось проблемам развития высшего образования в Сибири. Так, в 1922 г. при Главпрофобре прошло два совещания ректоров вузов. Но на первом (май 1922 г.) были представлены в основном московские и петроградские вузы, а на втором, прошедшем в декабре в Новониколаевске, приняли участие ректоры шести сибирских вузов и двух практических институтов. Обзорная статья, посвященная итогам этого совещания, была опубликована в журнале «Жизнь Сибири». Автор И. Самодаров дал развернутый обзор состояния высшего образования в Сибири и в то же время высказал некоторые соображения. Ректорское совещание определило состояние высшей школы как кризисное, отмечая его проявления: слабая материальная база, «глубокая связанность университетского знания со старой, буржуазной культурой», «борьба пролетарской и буржуазной культур» и «приспособление старой культуры к новым социальным формам». Кроме того, причинами «упадочного состояния» вузов являлись кризис среднего образования в стране в целом, недостаточность развитой сети рабочих факультетов, отсутствие точно установленных учебных планов в вузах. Кризисы и нестыковки новой экономической политики усугубляли проблемы. Освещая вопрос, автор солидаризовался с выводами совещания, заключавшимися в усилении государственной политики в сфере высшего образования. В частности, в контроле преподавания в вузах органами государственной власти и тесном сотрудничестве вузов с ними, назначении всех вузовских органов управления (а не избрании), предоставлении права революционному студенчеству участвовать в управлении вузами. Выходом из ситуации, по мнению ректоров вузов, было бы создание Сибирского Ученого Совета, который бы разрабатывал учебные планы для сибирских вузов, определял продолжительность обучения по специальностям для каждого вуза, назначал и увольнял вузовских преподавателей²⁷.

²⁶ Черемных Г. Народное просвещение в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 69, 71, 81.

²⁷ Самодаров И. Высшее образование в Сибири (Очерк по материалам 1-го Сибирского ректорского совещания) // Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 56–57.

Таким образом, вопросам как общего, так и высшего образования в послереволюционный период в Сибири уделялось постоянное внимание. Читательская аудитория, а это прежде всего работники образовательных учреждений, была информирована о насущных проблемах и методах их решения в своей области. Это формировало информационную картину, определяло приоритеты в профессиональной деятельности.

Выводы. Журнальная периодика первой половины 1920-х гг. успешно выполняла одну из важнейших функций социокультурной коммуникации, а именно – воспроизводство конкретного типа общества и присущего ему типа культуры. На страницах журналов значительное место уделялось вопросам культуры в различных аспектах: в решении национального вопроса, ликвидации неграмотности, проблем общего и высшего образования. При этом существующие проблемы не замалчивались, авторы высказывали свои мнения, формируя общую информационную картину читающей аудитории, а также ценностные ориентиры исходя из новых задач послереволюционного периода в регионе.

Литература

- Большая энциклопедия: в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М.: ТЕРРА, 2006. Т. 24. 592 с.
- Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Динамика численности городского населения в контексте урбанизационных процессов в Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы истории. 2023. № 10 (1). С. 32–39.
- Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, С.Н. Ушакова, Л.Б. Ус. Новосибирск: Сова, 2007. 310 с.
- История Иркутской губернии: в 4 т. / ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. 616 с.
- Красильников С.А. Сибирская провинция и центр: культурная грань взаимодействия в послереволюционные годы // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 24–30.
- Красильников С.А. Власть и интеллигенция в динамике постреволюционных отношений // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 86–98.
- Красильников С.А. Время, культура, личность: к 90-летию В. Л. Соскина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 14, № 8. С. 209–214.
- Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 – лето 1918. Новосибирск: Наука, 1985. 255 с.
- Легостаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.
- Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука, 1965. 281 с.
- Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России: метод. рекомендации к курсам «История отечественной интеллигенции» и «Отечественная история». Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 83 с.
- Соскин В.Л. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. 119 с.
- Чернова (Козлова) И.С. Становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 1. С. 57–63.
- Шелестов Д.К. У истоков советской историографии Сибири // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 126–132.
- Энциклопедический словарь / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Изд-во БСЭ, 1954. Т. 2. 719 с.

References

Bryuhanova, E.A., Rygalova, M.V. (2023). Dinamika chislennosti gorodskogo naseleniya v kontekste urabanizatsionnykh protsessov v Sibiri v 1897–1917 gg. [Dynamics of Number of Urban Populations in the Context of Urbanizations Processes in Siberia in 1897–1917]. In *Voprosy istorii*. No. 10 (1), pp. 32–39.

Chernova (Kozlova), I.S. (2020). Stanovlenie professional'nogo soobshchestva sibirskikh zhurnalistov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Formation of a Professional Community of Siberian Journalists in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 27, No. 1, pp. 57–63.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). Istoriya Irkutskoy gubernii: v 4 tomakh [History of the Irkutsk Province]. Vol. 4. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. 616 p.

Kondratov, S.A. (Ed.). (2006). Bol'shaya entsiklopediya: v 62 tomakh [Great Encyclopedia: In 62 vol]. Vol. 24. Moscow, TERRA. 592 p.

Krasil'nikov, S.A. (1998). Sibirskaya provintsiya i tsentr: kul'turnaya gran' vzaimodeystviya v poslerevolutsionnye gody [Siberian Province and Center: A Cultural Side of Interaction in Postrevolutionary Years]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 24–30.

Krasil'nikov, S.A. (2004). Vlast' i intelligentsiya v dinamike postrevolyutsionnykh otnosheniy [The Power and the Intellectuals in Dynamics of the Post-Revolutionary Relations]. In *Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya*. Novosibirsk, pp. 86–98.

Krasil'nikov, S.A. (2015). Vremya, kul'tura, lichnost': k 90-letiyu V.L. Soskina [Time, Culture, Personality: To V.L. Soskin's 90 Anniversary]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya*. Vol. 14, No. 8, pp. 209–214.

Krasil'nikov, S.A., Pystina, L.I., Ushakova, S.N., Us, L.B. (2007). *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnye tsennosti* [Intelligence Siberia in the First Third of the 20th Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk, Sova. 310 p.

Krasil'nikov, S.A., Soskin, V.L. (1985). *Intelligentsiya Sibiri v period bor'by za pobedu i utverzhdenie Sovetskoy vlasti, 1917 – leto 1918* [Intelligence Siberia during Fight for a Victory and the Statement of the Soviet Power, 1917 – Summer of 1918]. Novosibirsk, Nauka. 255 p.

Legostaeva, I.V. (2020). Obraz Sibiri v periodicheskikh izdaniyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [An Image of Siberia in Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 10 (3), pp. 205–210.

Shelestov, D.K. (1972). U istokov sovetskoy istoriografii Sibiri [At Sources of the Soviet Historiography of Siberia]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 126–132.

Soskin, V.L. (2000). *Vysshee obrazovanie i nauka v sovetskoy Rossii: pervoe desyatiletie (1917–1927 gg.)* [The Higher Education and Science in the Soviet Russia: The First Decade (1917–1927)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 119 p.

Soskin, V.L. (1965). Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (konets 1917– nachalo 1921 gg.) [Essays of Cultural History of Siberia in Days of Revolution and Civil War (The End 1917 – Early 1921)]. Novosibirsk, Nauka. 281 p.

Soskin, V.L. (1996). *Sovremennaya istoriografiya sovetskoy intelligentsii Rossii: metod. rekomendatsii k kursam “Istoriya otechestvennoy intelligentsii” i “Otechestvennaya istoriya”* [Modern Historiography of the Soviet Intellectuals of Russia: Guidelines to the Courses “History of the Domestic Intellectuals” and “National History”]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 83 p.

Vvedenskiy, B.A. (Ed.). (1954). *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, BSE. Vol. 2. 719 p.